

Д. М. Голикова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
d.golikova@gmail.com

Четыре евангелиста и сломанная кровать: семантика неполноты ряда на примере одной английской номинации

Модель отантропонимической деривации, при которой апеллятив образуется от пары имен, широко известна в ономастике, например фр. *mari-jen* <мари-жан> ‘мужчина, занимающийся женской работой’ [Peterson, 1929, 142], англ. *Mary and Joseph* <Мария и Иосиф> ‘незабудка болотная’ [Wright, 4, 45], *Jack and Gill* <Джек и Джилл> ‘влюбленная парочка’ [Lingvo] или рус. *иван-да-марья* ‘травянистое растение’ [СРНГ, 12, 54]. Апеллятивы, образованные от микросистемы из трех или более имен, встречаются сравнительно редко и довольно любопытны для изучения. Особенно интересными кажутся номинации, семантика которых основана не на присутствии, а на отсутствии в составе апеллятива одного из имен.

Так, любопытную микросистему образуют в английском языке имена четырех евангелистов. Апеллятивный дериват для этой микросистемы фиксируется всего один: *Mark, Luke and John* <Марк, Лука и Иоанн> ‘кровать на четырех ножках, одна из ножек которой сломана или отсутствует’ [Wright, 6, 38]. В данном случае отчетливо видно нарушение целостности ряда: отсутствие одного из имен подчеркивает неправильность, ущербность номинируемого объекта. При этом четвертое имя в номинации подразумевается, оно придает номинации смысл именно своим отсутствием и поэтому не может быть исключено из перечня элементов микросистемы. Мотивация номинации, как кажется, ясна, однако более глубокий анализ этой микросистемы на основе фольклорных источников именно в контексте значения апеллятивного деривата позволяет взглянуть на нее более широко.

Святые фигурируют в популярной молитве под названием «*White Paternoster*» <Белый Отче Наш>, которая была впервые записана в 1656 г.:

<i>Matthew, Mark, Luke, and John, Bless the bed that I lie on, Four corners to my bed, Four angels round my head; One to watch and one to pray And two to bear my soul away.</i>	Матфей, Марк, Лука и Иоанн, Благословите кровать, на которой я лежу, У моей кровати четыре угла, Четыре ангела стоят вокруг моей головы; Один — чтобы следить, второй — чтобы молиться И два — чтобы унести мою душу.
--	---

[Opie & Opie, 1966, 303]

В некоторых вариантах молитвы ангелы стоят не у головы молящегося, а вокруг него:

<i>Matthew, Mark, Luke, and John, Bless this bed that I lie on; Four angels to my bed, Two to bottom, two to head, Two to hear me when I pray, Two to bear my soul away.</i>	Матфей, Марк, Лука и Иоанн, Благословите кровать, на которой я лежу; Четыре ангела у моей кровати, Два — внизу, два — в головах, Два — чтобы слушать меня, когда я молюсь, Два — чтобы унести мою душу.
--	---

[Opie & Opie, 1966, 304]

Таким образом, наглядно видна корреляция: четыре евангелиста — четыре ангела — четыре угла (или четыре ножки) кровати. В этом контексте стоит вспомнить и крестное знамение — жест, защищающий от нечистой силы, состоящий из четырех движений руки в разных направлениях. Приведенная молитва читалась на ночь как защитное заклинание и была крайне популярна: в некоторых деревнях это была единственная молитва, известная детям, тогда как канонических текстов они не знали вовсе [Opie & Opie, 1966, 304]. Христианская традиция здесь смешалась с языческой: подобные заклинания, известные как *lorica* (лат. ‘доспехи’) и имеющие целью оградить заклинаемого от злых сил, окружив его ангелами или божествами-хранителями со всех сторон, фиксируются и в кельтской традиции, а через нее уходят корнями в традицию каббалистическую (ср., например, каббалистическую молитву «против ужасов ночи»: «Михаил — справа от меня, Габриэль — слева от меня, передо мной — Уриил, за мной — Рафаил») и даже древневавилонскую («Шамаш — передо мной, Син — за мной, Нергал — справа от меня, Ниниб — слева от меня») [Там же].

В номинации кровати, таким образом, мотивационная основа видится не просто в семантике неполноты ряда и отсутствия одного

из элементов, но и в том, что кровать в этом случае теряет «четвертый угол», четвертый элемент, необходимый для того, чтобы со всех сторон охранить лежащего на ней человека от опасностей и нечистой силы. Прецедентным текстом, на котором основывается выделенная нами микросистема, является, конечно, Библия, однако нельзя не заметить, что библейская мифология и ее персонажи являются лишь оболочкой, а смыслом ее наполняет языческая традиция и созданное на стыке двух мифологий народное христианство.

Четырех евангелистов можно найти и в фольклорных текстах русского языка. В частности, четыре апостола вместе упоминаются в разных функциональных типах заговоров (защита от нечистых духов, от начальства, от оружия, от колдунов и порчи, защита скота, исцеление от лихорадок и сглаза, помощь в охоте на птиц и т. д.) [Юдин, 1997], однако аппеллятивных дериватов от их имен, функционирующих как одна лексическая или фразеологическая единица, найдено не было. В заговорах представлена скорее корреляция между персонажами, чем между антропонимами, тогда как факт, найденный нами в английском языке, от персонажей в некоторой степени дистанцируется, хотя связь с библейской традицией и не стирается полностью.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.

Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

Lingvo — Lingvo 12. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). М., 2008.

Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. London, 1966.

Peterson A. Le passage populaire des noms de personnes à l'état de noms communs dans les langues romanes et particulièrement en français. Etude de sémantique. Uppsala, 1929.

Wright J. The English Dialect Dictionary. Vols. 1–6. London, 1898–1905.